Марш Меллоу

Не ОТПУСТИМ

18+

Офисное трио

Марш Меллоу
Не отпустим

https://litres.ru/74968734
SelfPub; 2026

Аннотация

Думала, что увольнение — это подпись и выход. Хотела сбежать от работы, где не ценят. От мужчины, который предал. От себя, устав быть сильной.

Но два босса решили иначе.

Они не переубеждали и не настаивали. Просто показали, каково это: когда двое мужчин видят в тебе не просто сотрудницу, не женщину для одной ночи, а ту, ради которой готовы ломать правила.

Теперь я не знаю, чего боюсь больше: остаться с ними или уйти от самой себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Г	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марш Меллоу
Не отпустим

Глава 1

Духота. Утро ещё не наступило по-настоящему, а воздух уже липкий, тяжёлый. Я выхожу из метро, и солнечный свет бьёт по глазам. Хочется зажмуриться, но я не позволяю себе даже этого.

Шагаю по раскалённому асфальту. Каблуки цокают по плитке, ритмично, как пульс. Внутри пустота. Не злость, не боль, а именно она: огромная, выжженная пустота, которая съела всё остальное. Иду как робот, потому что только так можно не развалиться на части.

Шаг. Ещё шаг.

Просто переставляю ноги, пока они сами несут меня к высоким стеклянным дверям офиса.

Поправляю ворот блузки. Пальцы скользят по влажной от пота коже. Блузка белая, наглаженная, еще пока идеальная в этой духоте, серьги-гвоздики на месте, юбка-карандаш сидит безупречно. Всё идеально. Кроме этих чёртовых светлых прядей, что опять выбились из пучка и липнут к вискам. Быстрым движением завожу прядь за ухо и ловлю своё отражение в зеркальных дверях главного входа.

Смотрю и не узнаю. Чужая женщина с каменным лицом и пустыми глазами. У неё всё под контролем. Контроль – единственное, что осталось.

Я толкаю тяжёлую стеклянную дверь и вхожу в холл. Внутри душно, как в парнике, воздух спёртый. Пахнет раскалённым металлом и пылью. Сразу ощущаю, что-то не так. И дело даже не в духоте. Не в отсутствие кондиционера, что само по себе тоже удивительно. Я поднимаю глаза и вижу его.

Денис стоит у стойки администратора. Увидел меня, лицо изменилось: смесь облегчения и вины. Рука дёрнулась, будто он хотел шагнуть навстречу, и застыла в воздухе.

— Стась… Ну давай поговорим.

Голос знакомый, до тошноты. Я слышала его вчера в трубку, ночью, когда не спала. И до этого сквозь стенку дровяного сарайчика.

Молча смотрю на него. Показываю средний палец, не замедляя шага. Он отшатывается, будто я ударила его. Потом идёт за мной, догоняет у лифта, хватает за локоть.

— Стася, прекрати. Я всю ночь звонил. Ты где была?

Дёргаю руку, он отпускает.

— Ты не заметила, малыш? Света нет на районе, поломка, сказали до обеда не будет, — он наклоняется ближе, дышит в ухо, от него пахнет дешёвым одеколоном. — Так что пешком, родная. Ну или ко мне в кабинет, он тут за углом, подниматься не надо, поговорим и…

Я обхожу его как помеху на дороге. Вдоль стены и к лест-

нице. Он что-то говорит за спиной, но я не слышу. В ушах шумит кровь, и до меня доносится, откуда-то издалека, только его голос из сарайчика: «Ну а че, она ж не свободная, чужая жена. А я хотел напоследок, перед свадьбой, ещё раз ощутить свободу. Стась, ну ты чего, малыш».

«Напоследок». «Ощутить свободу». Эти слова крутятся в голове как заевшая пластинка. Я подхожу к лестнице, толкаю дверь. Лестничный пролёт. Узкий, залитый солнцем из окон.

Иду быстро, каблуки гремят по металлическим уголкам ступеней. В груди сдавливает. Не боль, а что-то тяжёлое, что мешает дышать.

Расстёгиваю верхние пуговицы блузки. Жарко.

Пот стекает по спине, между лопаток.

Я шла на работу, как на каторгу, и это не метафора.

Здесь, на лестнице, в пустоте и тишине, позволяю себе вспомнить.

Турбаза. Лес. Друзья, шашлыки, смех. И тот момент, когда я заметила, что его нет уже полчаса.

«Пойду отлить, минутку», — бросил Денис и скрылся.

Я пошла искать, ну мало ли, лес вокруг, темно. Обогнула баню, увидела свет в дровяном сарайчике. Он был приоткрыт. Подошла. И услышала стоны. Шлепки тел. «О да, детка». Его голос. Заглянула внутрь и увидела его, прижавшего жену друга к стене.

Я ничего не сказала. Просто развернулась, вызвала такси и уехала. Провела ночь у Сони. Подруга встретила меня

молча, обняла, не задавая вопросов. И мы сидели на кухне с её кошкой, которая тёрлась о мои ноги, а я смотрела на свой телефон, где горело тридцать пропущенных от Дениса и сообщения: «Стась, ну прости, я дурак, это ничего не значит, ну гульнул напоследок» …

«Гульнул напоследок». За день до свадьбы. Которую мы готовили два месяца.

Сжимаю поручни лестницы. Металл нагрелся от солнца, обжигает ладонь, но я не разжимаю пальцев. Мне хочется орать, биться головой о стену, разбить что-нибудь. Вместо этого я просто иду дальше. Ступенька за ступенькой.

И вспоминаю, как перешла в эту компанию год назад. Как меня переманивали. Обещали «свободу в принятии решений». Я уволилась с места, где пробивалась с нуля, потому что там тоже говорили: «Стася, ты многого хочешь и добьешься». А здесь – год.

Я пахала. Сделала больше, чем отдел из пяти человек за три года. Два слияния, которые принесли прибыль. Оптимизация бюджета, которая сэкономила двадцать процентов. Новая система отчётности, которую теперь используют все подразделения.

И когда встал вопрос о новом руководителе — старый начальник уходит на пенсию, — я думала: «Ну теперь-то меня заметят».

А в кулуарах шепчутся. Назначат Ковалёва Сергея Петровича. Потому что папа – партнёр. Или Смирнова Игоря Ва-

сильевича. Потому что друг Босса. И только не меня. Потому что я женщина. Потому что молодая ещё. Потому что «подождёт».

Они не сказали мне это в лицо. Они просто молчали. И их молчание было громче любых слов.

Останавливаюсь в пролёте между четвёртым и пятым. Не хватает воздуха. Прислоняюсь спиной к стене, смотрю в потолок. Телефон вибрирует в кармане. Очередное сообщение от Дениса. Выключаю звук и делаю глубокий вдох.

И вдруг, неожиданно для себя, я думаю о нём. О Боссе. О Германе Рождественском. Высокий, широкоплечий, с густыми тёмными волосами, которые он небрежно откидывает назад. С вечной щетиной на скулах. Его почти чёрные глаза всегда смотрят так, будто рентгеном просвечивают. Ненавижу этот взгляд. И ненавижу себя за то, что запомнила, как он закатывает рукава рубашки, когда начинает злиться. Как проводит рукой по щетине, раздумывая над ответом. Как его голос становится хриплым, когда он кого-то хочет и не важно по какой причине или когда выносит кому-то мозг.

Он – Рождественский. Фамилия, которая звучит как праздник, а сам – не подарок. И даже сейчас я ненавижу его за то, что он позволил этим слухам ползти по офису. Чувствую, как по позвоночнику бежит холодок. Там, где-то глубоко, где я не разрешаю себе копаться, есть другое.

Я злюсь. Злюсь на себя. Сжимаю поручни лестницы и отталкиваюсь от стены. Хватит. Иду дальше. На пятом этаже

отдел кадров.

Людочка сидит за столом, что-то печатает, грызёт дужку очков. Толстая, вечная, офисная «мамочка», которая видела всех за десять лет. Кладу заявление на стол перед ней, не здороваясь.

Она поднимает глаза, нацепив очки, пробегает по тексту. Бровь ползёт вверх.

— Без подписи Рождественского не могу. Такие вопросы решает только он.

— Люд, ну зачем такие крайности?

Она возвращает мне бумагу, упирается взглядом в моё лицо и говорит медленно, с нажимом:

— Стася, ты не уборщица или какой-то малый персонал. Ты специалист с большой буквы. По вопросам увольнения только через босса. Всё, иди. Поднимись к нему, он на месте, я видела.

Беру заявление. Пальцы чуть дрожат, но я сжимаю их, чтобы не выдать. Внутри всё закипает. Мне даже не дают уйти спокойно. Конечно, Рождественский. Он всегда должен быть в центре, даже когда от него уходят.

Выхожу из отдела и иду к лифту. Нажимаю кнопку. Не работает. Конечно. Иду к лестнице, поднимаюсь на этаж выше. Секретарши нет на месте: то ли не пришла из-за пробок, то ли... Плевать.

Кабинет Рождественского. Огромная двойная дверь из тёмного дерева, тяжёлая, массивная. Смотрю на неё и чув-

ствую, как в груди снова сдавливает. Не от страха. От злости. От унижения. От усталости, которую невозможно описать словами.

Я не стучу.

Толкаю ручку и вхожу.

Бумага в руке шуршит, как сухие листья, которые ветер гонит по раскалённому асфальту. В никуда. Как и я сама.

Дверь закрывается за спиной с глухим стуком.

Они оба поднимают головы: Босс и его лучший друг. Герман Родионович и Борис Андреевич. Я смотрю на них.

И молчу.

Глава 2

(Герман)

Солнце уже вовсю лезет в окно, и даже открытая створка не спасает: воздух в кабинете стоит густой и липкий, как патока. Рубашка прилипла к спине, пот стекает по груди, по позвоночнику. Я сижу, расстегнув верхнюю пуговицу, закатав рукава. Хоть так.

Бумаги передо мной разложены веером, цифры, которые я перепроверил уже раз пять, и они всё равно не сходятся. Зажигалка и пачка сигарет на столе: я не курю в кабинете, но сегодня хочется просто забить на всё, выйти в коридор и не возвращаться.

Дверь распахивается без стука.

Поднимаю голову. Солнце бьёт в проём, и она стоит там, в этом золотом свете, и я не сразу понимаю, кто это. Слишком ярко, слишком неожиданно. Моргаю, щурюсь, приглядываюсь.

Светлые волосы выбились из пучка, липнут к вискам, к влажной шее. Щёки горят, она запыхалась: поднималась по лестнице, как и все. Блузка белая, расстёгнута на две пуговицы, и я не столько вижу, сколько представляю влажную кожу на ключицах, ложбинку, капельки пота, стекающие туда, где грудь вздымается часто и неровно.

И вдруг – вспышка, резкая, непрошеная. Мгновение из

прошлого, которое я не звал. Университет, коридор, доска почёта. Она там, на первом месте, худая, с пучком, в дешёвом свитере. Фотография, которая висела годами, и я проходил мимо каждый день. «Снегирёва». Ботаничка. Помню, как думал: «Интересно, она вообще с кем-то разговаривает или только книги?» И шёл дальше, не оглядываясь. У меня были девушки, компании, деньги, связи. А она – фон.

А теперь стоит здесь. И я смотрю на неё и не могу отвести взгляд. Что-то изменилось, что-то щёлкнуло внутри, пока я смотрел на неё, на её блузку, на её руки, которые слегка дрожат.

Она подходит к столу. Молча. Без единого слова. Кладёт бумагу передо мной. Пальцы дрожат, но она держится ровно, смотрит сверху вниз пустыми глазами. У неё нет сил даже поздороваться.

— Что это? — спрашиваю, и голос хриплый, я сам себя не узнаю.

— Заявление об уходе.

— Не понял, — откидываюсь на спинку кресла, краем глаза замечаю Бориса, застывшего на диване с бумагами.

— Я увольняюсь, Герман Родионович. Подпишите заявление.

Она произносит моё полное имя. Сухо. Официально. Так обращаются ко мне все: с подобострастием, заискиванием, или тихо, почти шёпотом, боясь лишний раз привлечь внимание. Кроме Бориса. Он единственный, кто может смотреть

мне в глаза и говорить «нет». И я это принимаю. Это наш тандем, наша игра.

Но она произнесла это так, будто я – пустое место. Будто ей нужен только мой росчерк, и на этом всё. Ей плевать, кто я. Ей плевать, что мы работаем вместе год. Ей плевать, что я смотрел на неё, когда она не видела. Да, чёрт возьми, выделял её среди всех сотрудников. Чего не было в универе. Тогда она была мебелью. А теперь я замечаю её каждый раз, когда она проходит по коридору, когда поправляет пучок, когда сжимает губы, готовясь к совещанию.

А теперь она стоит передо мной, и я понимаю: уже поздно. Ей плевать. Ей нужна только подпись.

И это бесит. Потому что я привык быть тем, кто решает. Кому звонят в три часа ночи, когда всё горит. А сейчас она словно говорит: ты не нужен, Рождественский. Ты – просто буква в заявлении.

Беру бумагу, читаю. Грамотно. По форме. Без лишних слов. Отличница, блядь. Даже увольняется идеально.

Поднимаю глаза. Её взгляд пуст. Ни страха, ни злости, ни надежды. Просто усталость: та, что чувствуется кожей, даже на расстоянии. Она уже не здесь. Уже ушла. Всё решила.

В груди что-то сжимается. И голос внутри: «Только не она. Не Снегирёва. Нет!»

Борис поднимается с дивана, подходит к окну, засовывает руки в карманы. Молчит. Даёт мне слово. Но я вижу, как ходят желваки на его скулах: он злится, едва сдерживается.

И я понимаю, почему.

Год назад он принёс её резюме. «Снегирёва, — сказал он тогда, — та самая, с доски почёта. Помнишь? Мы её перекупим». Я хмыкнул, вспомнил ту девчонку с пучком. А он настоял. Сказал, она лучшая. И вот теперь она уходит. И мне не нужно объяснять, почему у Бориса желваки ходят.

Я киваю ей на кресло.

— Садись.

Она не двигается. Даже не собирается подчиняться. Второй вызов за утро: сначала заявление, теперь это.

Борис – умница, галантно отодвигает кресло, и она наконец опускается. Медленно, будто каждое движение через силу, будто несёт на себе весь день, хотя утро только началось. Спина касается спинки, и она откидывает голову назад, подставляя лицо слабому ветерку из окна. Прикрывает глаза. Ресницы дрожат или мне кажется. Сквозь них она смотрит на меня лениво, спокойно, и я не могу понять, вызов это или безразличие. И от этого ещё хуже.

Вижу, как поднимается и опускается её грудь под расстёгнутой блузкой. Кожа на ключицах влажная, ложбинка, капельки пота, стекающие по груди. Смотрю на это, и в паху становится тесно, слюна скапливается во рту, горло пересыхает. Хочу наклониться и провести языком по этой дорожке, собрать каждую каплю. Хочу вдохнуть её запах, почувствовать её кожу губами.

Нависаю над ней, опираясь рукой на подлокотник, второй

– на край стола. Наклоняюсь так низко, что почти касаюсь её. Запах её разогретого тела, смешанный с чем-то цветочным, ударяет в голову, кружит. Смотрю на её раскрасневшееся лицо, на чуть припухшие губы, которые она покусывает, когда нервничает или устала. Я замечал эту привычку раньше: когда она сидела в переговорной и что-то доказывала, когда злилась. Теперь она просто лежит в кресле, почти безвольная, и я хочу её. Прямо сейчас, в этом кресле. Схватить за плечи, прижать к себе, поцеловать так, чтобы она забыла, зачем пришла.

Станислава смотрит сквозь меня. Устало, безразлично. Никакой игры, никакого кокетства. Ей плевать, что я делаю, что говорю. Она просто ждёт: либо я скажу что-то, что её удержит, либо она уйдёт. И я молчу.

Я, мать твою, молчу. Рождественский, который всегда знает, что сказать, который всегда держит всё под контролем, молчит, как сопляк. Провожу рукой по волосам, взъерошиваю их. Ненавижу этот жест. Ненавижу, что она довела меня до него.

Она смотрит на мою руку, на мои волосы, и уголок её губ чуть дрогнул. Усмехается, что ли? Или показалось.

— Объясни, — выдавливаю из себя хрипло. — Что случилось?

Хотя, знаю. Предполагаю. Но неужели только потому что… да нет, она не могла. Она сильнее, чем хочет казаться.

Молчит. Отводит взгляд, смотрит в сторону, на стену, на

дверь. Только не на меня.

Борис делает шаг вперёд. Он умеет ждать, умеет слушать, но сейчас ему надоело. Он никогда не лезет без причины.

— Ты поссорилась с женихом? — спрашивает спокойно, почти небрежно. — Он обидел тебя, Стася?

Вижу, как она вздрагивает. Едва заметно. Но я вижу. И Борис видит. Знал, куда давить. Он всегда знает.

Денис. Начальник охраны. Бабник, каких поискать. Сука, я знаю его как облупленного. Он работает здесь дольше неё. Свою работу выполняет на отлично, но его репутация, его похождения, его пьяные улыбки на корпоративах. И она, умная, сильная, тащила его в ЗАГС. Думала, что он исправится. Глупая. Красивая, но глупая.

Наклоняюсь к ней ещё ближе, почти касаюсь губами её уха, и говорю тихо, зло:

— Денис изменил тебе?

Она поднимает глаза. В них удивление, настороженность. Она не ожидала, что я спрошу. Не ожидала, что я знаю.

— Откуда ты знаешь? — шепчет.

— Я знаю, какой он, — развожу руками, отстраняюсь, смотрю в упор. — И ты тоже знала. Но надеялась, что он исправится.

Она молчит. И в этом молчании – всё.

Понимаю: она уходит не только из-за работы. Не только из-за того, что я не повысил её. Её обидели на работе и дома. Двойной удар. И она решила свалить, начать всё с нуля.

Выпрямляюсь. Оглядываю кабинет. Духота, ад, нет сил. Смотрю на неё.

— В офисе дышать нечем, — говорю. — Ты устала, я вижу. Мы все задыхаемся. Предлагаю решить этот вопрос в другом месте. Поехали.

Она поднимает глаза. В них настороженность, почти страх. Замечаю.

— Я никуда не поеду с вами.

— Поедешь.

Голос спокойный, без нажима. Но она слышит: это не предложение. Это приказ. Перевожу взгляд на Бориса: стоит у окна, руки в карманах, на губах лёгкая улыбка. Он согласен. У него своё мнение, но здесь ярешаю. И он знает, что я прав.

— Ты хотела уйти, — говорю я ей. — Но сначала мы поговорим. Не здесь.

Она смотрит на меня, потом на Бориса, потом опять на меня. Пальцы на подлокотниках сжимаются. Молчит.

Я не позволю ей уйти. Уже решил. Потому что я, твою мать, Рождественский. И я не отпускаю тех, кто мне нужен. А она мне нужна. Станислава Сергеевна Снегирёва. Лучшее, что у меня есть. И если она уйдёт, я не прощу себе. Борис не простит.

Беру ключи, смотрю на Бориса.

— Выходим.

Иду к двери. У порога останавливаюсь, оборачиваюсь к

ней. Она всё так же сидит, смотрит на нас, но взгляд уже не пустой.

— Ты думаешь, я тебя отпущу? — смотрю в упор. — Нет, Станислава, ты – наша.

Глава 3

«Ты — наша».

В смысле? Что он имел в виду под словом «наша»? Сотрудница, которую они не хотят отпускать? Или… Нет. Не может быть. Я же знаю его. Он – Рождественский. Он всегда говорит загадками, проверяет на прочность, играет. Но сейчас его голос был другим. Твёрдым. Без намёка на иронию.

Сижу в кресле и не могу пошевелиться. Пальцы всё ещё сжимают подлокотники. Смотрю на него. Он стоит у двери, смотрит в упор, ждёт. Рядом с ним Борис. Молчит. Но я чувствую его взгляд на себе, хотя он не произнёс ни слова.

Внутри – взрыв. Злость, растерянность, страх. Утро началось с одного чёткого решения: уволиться. Всё просто: заявление, подпись, выход. Чисто, понятно, без лишних смыслов.

Но Герман не подписал. Теперь меня везут непонятно куда, чтобы «поговорить».

Зачем?

Не дура, понимаю, о чём можно говорить за пределами офиса. Не о работе. Не о цифрах и отчётах. О чём-то другом. Там, где нет столов и бумаг, нет слухов о повышении и о том, что я – просто женщина в очереди мужчин. Там, где только мы трое.

Это пугает. Одно дело, видеть Рождественского в кабинете или в переговорной, Бориса рядом, всегда собранного,

молчаливого, холодного. Другое, сидеть в машине с ними обоими, вдыхать их запахи, ловить их взгляды, чувствовать их присутствие на расстоянии вытянутой руки. И вдруг осознавать, что они не просто «начальники». Они – мужчины. Харизматичные, уверенные, от которых невозможно отвести взгляд, даже если очень хочется.

Я была почти замужем. Готовилась к свадьбе, выбирала платье, решала, какие цветы поставить на стол. Но это не значит, что перестала видеть других мужчин. Просто делала вид, что нет.

И теперь, всё, что игнорировала год, наваливается разом. Где-то глубоко, там, куда боюсь заглянуть, поднимается что-то тёплое, пугающее, живое. Не хочется это признавать. Не сейчас. Потому что если признаю, всё станет намного сложнее.

Герман открывает дверь. Ждёт. Медленно поднимаюсь. Ноги не слушаются, но я заставляю себя идти.

Борис идёт сзади. Я чувствую его спокойное, ровное присутствие, без давления. Он не торопит. Не говорит. Просто идёт.

Мы подходим к лестнице. Шесть этажей вниз. На этих шпильках, в духоте. Я уже представляю, как тяжело будет спускаться, как ноги начнут подкашиваться. Но Борис обгоняет меня и молча подаёт руку.

Смотрю на его ладонь. Потом поднимаю глаза на его лицо. Он едва заметно улыбается, без слов. Беру его руку. Его

пальцы сжимают мои надёжно, мягко, поддерживая. Борис спускается первым, я за ним, и каждый шаг теперь не кажется таким страшным.

В универе он был одним из них. Мажоров. Друг Рождественского. Светловолосый, спокойный, с хитринкой в глазах. Я знала его имя. Борис Страхов. И никогда не думала, что он будет держать меня за руку, спускаясь по лестнице в этом душном здании. Тогда я была никем. Просто девочкой с доски почёта. Нищебродкой, на которую мажоры не смотрели. Куда мне было до них? А сейчас он ведёт меня вниз и не даёт упасть. Во всех смыслах.

Когда мы проходим последний пролёт, он отпускает мою руку. Я чувствую, как на коже остаётся его тепло. Странно. И неловко. Я отвожу взгляд.

Холл. Сразу вижу Дениса. Он стоит у стойки, как и раньше. Увидел нас, и лицо его изменилось. Сжимает челюсть, взгляд мечется между мной, Германом, Борисом.

Герман останавливается. Поворачивается к Денису. Голос ровный, холодный, как лёд:

— Работаем в штатном режиме. Я уезжаю на переговоры. До конца дня меня не будет. Вопросы к заместителю.

Денис замирает. Открывает рот, закрывает. Не находит слов. Смотрит на меня, и в его глазах смесь злости, растерянности и… обиды? Я не разбираю. Мне всё равно. Прохожу мимо, не глядя на него. Каблуки цокают по плитке, и я слышу, как за спиной затихает его голос: он что-то говорит,

но я не слышу слов.

Внутри странное чувство. Не свобода. Не пустота. Что-то другое. Может быть, это просто облегчение. Или усталость, которая наконец нашла выход.

Солнце всё так же жарит, но ветерок приносит облегчение. На парковке машина Германа: чёрная, большая, с тонированными стёклами. Он открывает передо мной дверь.

Я сажусь. Салон пахнет кожей и его одеколоном. Герман заводит двигатель, и через минуту воздух начинает наполняться живительной прохладой. Кондиционер. Я почти стону от облегчения, когда холодный воздух касается моего разгорячённого лица и кожи в открытом вороте блузки.

Ловлю его взгляд в зеркале заднего вида. Он смотрит на меня, и уголок его губ чуть приподнимается:

— Легче?

Я молчу. Только выдыхаю. Долго. Потом киваю.

— Да.

— А ты не хотела.

Герман улыбается краем губ и отворачивается, трогает машину с места. Борис сидит сзади, рядом со мной, и я чувствую, как он откидывается на сиденье, но молчит. Загадочный мужчина. Ловлю себя на мысли, что хочется узнать, о чем он думает.

Город уплывает назад, а я смотрю в окно и вдруг понимаю, что не знаю, куда мы едем.

— Так, куда мы?

Герман улыбается в зеркало заднего вида. Переглядывается с Борисом. И я понимаю: они знают что-то, чего не знаю я. И мне одновременно страшно и любопытно. Но как ни странно, напряжение понемногу отпускает.

Может, я сошла с ума?

Или просто устала притворяться.

Глава 4

(Борис)

Я наблюдаю. Это моя роль: всегда наблюдать. Герман – огонь, импульс, действие, он врывается, берёт, доминирует. Я – холодный расчёт, тишина, ожидание. Я вижу то, чего не замечают другие. И сейчас передо мной – она. Станислава.

Специально сел на заднее сиденье, рядом с ней, чтобы видеть. Как она постепенно отпускает контроль. Как её пальцы, сжатые в кулаки, начинают расслабляться. Как дыхание выравнивается. Как она почти незаметно прикрывает глаза.

Она не знает, что решение уже принято. Не мной. Не им. Нами.

Вспоминаю, как заметил её впервые. Университет, коридор, доска почёта. Она стояла там, худая, с небрежным пучком светлых волос, в дешёвом свитере, читала объявление. Я шёл с Германом и задержал взгляд на секунду дольше, чем нужно. Тогда я ещё не знал, что она станет той, кто сломает нас обоих.

Фамилия Снегирёва всплыла в отчётах аналитического агентства, которое мы просматривали регулярно, когда вместе с Германом сколотили свой первый бизнес. С нуля, чтобы доказать отцам, что мы можем. Она работала в компании на два порядка меньше нашей, но результаты говорили сами за себя. Её имя мелькало в списках лучших молодых специ-

алистов по финансам.

Тогда я ещё не связывал эту Снегирёву с той девчонкой с доски почёта. Просто увидел цифры и понял: это ресурс, который мы можем использовать. Стратегически, чисто профессионально. Собрал досье, сравнил с конкурентами, просчитал риски и выгоду. И пришёл к Герману с предложением.

— Снегирёва, — сказал я, положив перед ним распечатанное резюме. — Та самая, с доски почёта. Помнишь?

Он поднял бровь, взял бумагу, пробежал глазами, хмыкнул:

— Та девчонка с пучком?

— Она. Теперь лучшая на рынке. Работает в «Альфа-консалтинге», но у них потолок. Мы можем дать ей больше, перекупить.

Герман откинулся на спинку кресла, посмотрел на меня с усмешкой:

— Ты уверен?

— Проверил. Она – актив.

Я сказал «актив». Тогда я ещё не знал, что это слово станет для меня другим. Не ресурс, не инвестиция. Она. Просто она.

Герман кивнул. Мы оба знали: я никогда не ошибаюсь в людях. Он подписал оффер, и мы перекупили её. Я думал, что это будет выгодная сделка. Ошибся. Впервые. Станислава стала точкой невозврата.

Я замечал, как Герман смотрел на неё на переговорах. Как иногда ловил её фразы, ещё не отдавая себе отчёта, что думает о ней не как о сотруднице. Он просто не созрел. Пока она не вошла в кабинет с заявлением. Это решение стало ударом под дых обоим. Не ожидали от неё такой решимости. За хрупкой внешностью столь сильная натура. И чертовски красивая женщина, которую заметили оба. И едва не упустили.

Мы привыкли читать мысли друг друга. За годы дружбы и совместного бизнеса это стало второй натурой. Короткого взгляда Германа хватило, чтобы понять: «Не отпустим». Конечно нет.

И вот сейчас она сидит, смотрит в окно. Замечаю, как она чуть приподнимает одну ногу, пытаясь найти удобное положение. Её туфли, несомненно, изящные, на шпильке, но в такую жару явно натирают. Вижу, как она сжимает губы, когда нога затекает. Долго мучиться не даю.

Наклоняюсь. Ловко подхватываю и сбрасываю туфлю. Она не успевает возразить, а я уже перекладываю её ноги к себе на колени. Вторая туфля слетает следом. Беру её ступню в ладони. Горячую, влажную.

— Я помогу, Стася. Просто расслабься. Ты устала, девочка.

Она молчит, только выдыхает шумно, почти со стоном, когда я начинаю массировать. Большие пальцы находят центр свода, давят мягко, но точно. Я знаю эти точки, знаю,

как снять усталость. Напряжение уходит из её стопы, мышцы поддаются, и она запрокидывает голову на подголовник, прикрывая глаза.

Её кожа обжигает. Чувствую, как под подушечками моих пальцев пульсирует кровь, как она постепенно тает от сопротивления к доверию. Ступня маленькая, изящная, с идеальным изгибом, и я не могу удержаться, провожу большим пальцем по дуге, от пятки к пальцам. Она вздрагивает, и из горла вырывается тихий, почти беззвучный стон, от которого у меня моментально твердеет в паху.

Сжимаю пальцы чуть крепче: не чтобы причинить боль, а чтобы она почувствовала мои руки. Чтобы запомнила. Перехожу к голени, веду ладонью вверх, к икре, медленно, ощущая, как под рукой напрягаются и расслабляются мышцы. Это уже не просто массаж, это прикосновение. Я хочу, чтобы она знала: мои руки – это не только помощь. Это выбор.

Она не смотрит на меня. Глаза закрыты, губы приоткрыты, дыхание сбивается. Она борется с собой, я вижу. Хочет отстраниться, но тело уже не слушается. Голова запрокинута, открывая шею, влажную, с капельками пота, которые не высохли даже в кондиционере. Грудь вздымается чаще, пальцы впиваются в сиденье. Она держится за остатки контроля, но он ускользает. То, что надо.

Герман смотрит в зеркало заднего вида. Его взгляд тёмный, тяжёлый, полный желания. Он сжимает руль так, что костяшки белеют, челюсть напряжена. Молчит. Знаю его всю

жизнь: он хочет её так же, как я. Но он за рулём, а я могу прикасаться. И я делаю это не для того, чтобы дразнить его. Я делаю это для себя. Чтобы она привыкла к моим рукам, чтобы запомнила, как они двигаются по её телу. Чтобы хотела повторить.

Машина замедляется. Ворота открываются бесшумно, на автоматике. Въезжаем на территорию. Особняк большой, современный, с панорамными окнами, утопающий в зелени. Герман паркуется у входа, глушит двигатель.

Выходит, открывает дверцу с её стороны. Она всё ещё сидит, заворожённая моими руками. Герман наклоняется и подхватывает её на руки.

— Ты босиком. Плитка раскалённая.

Она не сопротивляется, только тихо ахает от неожиданности. Её руки обвивают его шею, и она прижимается к нему неосознанно, красиво.

Выхожу из машины. Держу её туфли в руках. Смотрю на них, и внутри поднимается что-то тёмное, горячее. Ревность? Желание? И то, и другое.

Непроизвольно облизываю губы.

В предвкушении.

Глава 5

Сердце пропускает удар, когда Герман вносит меня в дом и мягко опускает на пол. Прохладная плитка под босыми ногами. Такой контраст после массажа стоп, просто дух захватывает.

Его руки всё ещё на моей талии, и я чувствую их тепло через тонкую ткань блузки. Он не торопится убирать их. Смотрит в глаза, и между нами сантиметры. Его горячее дыхание на моей коже и терпкий аромат дорогих сигарет, которые он курит, когда нервничает. И я ловлю себя на том, что запах не раздражает. Наоборот. Он успокаивает, затягивает.

Герман гладит мою щёку. Нежно так, невесомо, будто я хрустальная. И я не могу дышать. Вообще.

— Ты устала, милая.

Его голос тихий, хриплый, как будто он сам не верит в то, что говорит. Или верит. Я не понимаю. Я вообще перестаю что-либо понимать.

— Жара, нерешённые вопросы... Все потом. Второй этаж, дверь налево. Гостевая комната, душ, ванная.

Он отпускает меня. Делает шаг назад, и воздух между нами становится холодным от кондиционера и пустым. Смотрю на него, не веря своим ушам. Он отправляет меня отдыхать? После этого безумного утра, когда мир перевернулся и я перестала понимать, где я и кто?

Борис. Перевожу взгляд на него. Он смотрит серьёзно, без тени иронии и говорит так буднично:

— Отдыхай, Стася. Встретимся чуть позднее.

Всё. Никаких «мы тебя не отпустим» и «раздевайся». Никаких «поговорим». Просто «отдыхай».

Я замираю. Молчу. Смотрю на них двоих, и внутри меня всё смешивается в один огромный коктейль из чувств: облегчение, что меня не взяли прямо в холле; растерянность от неожиданной нежности; страх, что я хочу большего; стыд, что я ждала секса; тепло от ладони Германа на своей щеке.

Готова пить этот коктейль медленными глотками, лишь бы продлить момент и понять, что со мной происходит. Думала, сломаюсь и сбегу. Но они дали мне воздух. Дали передышку.

Кто бы мог подумать, что эти двое – мажоры, которые в универе даже не смотрели в мою сторону, – будут стоять передо мной и заботиться обо мне. Через столько лет. Кто бы мог подумать.

Медленно разворачиваюсь. Иду к лестнице. Ступени тёплые, гладкие, и я ступаю на них босиком, чувствуя, как после массажа ног каждый шаг даётся легко, почти невесомо. Будто пальцы Бориса все еще касаются моей кожи. Я чувствую их тепло на ступнях, на голенях, и внутри разливается что-то странное. Необъяснимое.

Поднимаюсь неспешно. Ощущаю их взгляды спиной. Хочется обернуться. Очень. Посмотреть на них. Может быть,

спросить: «Вы серьезно?» Но не оборачиваюсь. Иду до конца, пока лестница не загибается и я не скрываюсь за углом. Только тогда позволяю себе выдохнуть. Прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза на мгновение.

В груди всё тот же коктейль. Я не разбираю, что в нём больше. Но он не давит. Он просто есть.

Открываю глаза и толкаю дверь.

Комната. Светлая, большая. Вхожу, и ноги утопают в мягком ковре. В центре – широкая кровать, застеленная белоснежным бельём. В углу черный торшер и белый пуф. И большое окно в зелень сада. Вдыхаю полной грудью запах свежести и прохлады. И посреди этого идеала – я. Грязная, потная, сбитая с толку.

Сажусь на край кровати. Руки дрожат. Смотрю на них и не понимаю, откуда эта дрожь. От усталости? От напряжения? От всего, что произошло за последние несколько часов? Или от того, что сейчас произошло: от их заботы, их нежности?

Рождественский погладил меня по щеке. Рождественский! Сам! Чёрствый, жёсткий мужик, о котором ходят легенды, коснулся меня так нежно, что у меня перехватило дыхание. А Борис массировал мне ноги и говорил тихо, спокойно: «Ты устала, девочка».

Достаю из сумочки телефон, смотрю на экран. Сообщения от Дениса, от Сони, пропущенные звонки. Набираю подруге: «Всё хорошо, задерживаюсь на работе. Потом расскажу». Пальцы дрожат над экраном. Отключаю звук. Кладу телефон

обратно. Все это – другой мир. Мир, где я была утром. Теперь я не знаю, хочу ли я туда возвращаться.

Блузка летит на край кровати, юбка следом. Остаюсь в белье, простом, без излишеств. Ванная встречает белой плиткой. Солнце льётся сквозь матовое стекло, и я поворачиваю кран.

Прохладная вода обрушивается на плечи, и я замираю на мгновение. Остыть. Прийти в себя. Вода стекает по груди, по животу, по бёдрам. Глаза прикрываются. Рука сама тянется к крану, добавляя горячую. Пар поднимается к потолку, окутывает, делает воздух влажным и плотным.

Наливаю на ладонь гель для душа. Пахнет цитрусом и чем-то сладким. Начинаю намыливать тело, и мысли приходят сами собой. Руки Бориса. Как они массировали мои ноги. Мягко, уверенно, с нажимом там, где нужно. А если бы он поднялся выше? Если бы его ладони скользили по бёдрам, по животу, по груди?

Чувствую, как внутри разливается жар, и мои собственные пальцы повторяют его движения. Воображаемые, конечно. Медленно, с нажимом, от коленей вверх, по внутренней стороне бедра. Ладони скользят по мокрой коже, и я представляю, что это его руки. Его тёплые, уверенные ладони.

А к ним примешиваются руки Германа. Я чувствую их на своей талии, когда он нёс меня. Как он прижимал меня к себе, как его пальцы впивались в мою кожу. И щека. Его ладонь на моей щеке: грубая, горячая, такая мужская, что у меня

подкашиваются колени даже сейчас, когда я просто вспоминаю.

Закусываю губу. Стоны прорываются наружу. Тело требует большего, и я веду руками по животу, по груди, сжимаю себя, представляя, что это Герман грубо, требовательно. А Борис – мягко, выжидающе. Оба. Одновременно. Не знаю, чьё прикосновение сводит меня с ума больше. Только чувствую, как нарастает волна, как внутри пульсирует, как влага смешивается с водой.

Довожу себя почти до грани. Почти. Но не до конца. Не позволяю себе сорваться. Останавливаюсь в шаге от оргазма и выключаю воду.

Выдыхаю. Сажусь на край ванны. Сердце колотится, дыхание сбитое, тело дрожит. Смотрю на свои руки: они всё ещё влажные, и я знаю, что только что сделала. Я представляла их. Обоих. И это пугает сильнее, чем любой секс. Но… почему бы и нет. Я уже свободная женщина. Теперь да.

Встаю. Вытираюсь пушистым полотенцем, которое висит рядом. На крючке белый банный халат. Беру его. Большой, явно не моего размера. Но когда я надеваю его, он обнимает меня, словно кто-то держит в объятиях. Мягкий, пушистый, пахнет свежестью и чем-то неуловимым: может быть, гелем для белья или просто чистотой. Чувствую, как уютно мне в нём. Как впервые за этот день мне хорошо.

Выхожу из ванной. Подхожу к кровати и падаю на неё, раскинув руки, лицом вверх. Смотрю в белый потолок. Те-

ло расслабляется. Тревоги, страхи, злость. Всё уплывает куда-то вдаль.

И вдруг я понимаю.

Я не хочу уходить.

Эта мысль приходит не как удар. Не как страх. А как тихое, ровное осознание. Я не хочу возвращаться в ту жизнь, где меня не ценили. Не хочу снова доказывать, что я лучшая. Не хочу думать о Денисе и его измене. Не хочу уезжать, чтобы начать всё сначала и снова наступить на те же грабли.

Хочу остаться здесь. Но…

Глава 6

(Герман)

Дверь наверху закрылась, и стало тихо. Слишком тихо. Смотрю на пустой лестничный пролёт, на перила, где секунду назад лежала её рука, и понимаю: она ушла. На время. Но уйдёт совсем, если я сейчас ничего не сделаю.

Борис ставит её туфли у стены. Молча. Засовывает руки в карманы: привычка, которую я знаю двадцать лет. Всё, что он говорит или делает сейчас, имеет вес, хотя внешне он спокоен. Я знаю: он ждёт. Всегда ждёт моего первого слова, чтобы дальше было проще.

— И что будем делать? — спрашивает он ровно. — Она уйдёт, ты понимаешь? Мы не должны этого допустить.

Конечно, понимаю. Она уйдёт, если мы не придумаем что-то сейчас. Она уйдёт, потому что утром написала заявление, а я не подписал. Она уйдёт, потому что думает, что ей здесь не место.

— Но у тебя был план, когда ты предложил уехать из офиса? — Борис приподнимает бровь, и я вижу в этом вопросе то, что он не договаривает. Он проверяет меня. Хочет понять, что я сам-то думал, когда вёз её сюда, как ошпаренный.

— Да нифига подобного, — вырывается у меня. — Импровизация. Я просто тянул время. Увёз её подальше от этого чёртова заявления, потому что в той духоте нельзя было

думать. Только действовать.

Борис садится на край стола, скрещивает руки, смотрит на меня с едва заметной усмешкой.

— И что теперь будешь делать? Ты же у нас мозг. Придумал что-то?

— Подначиваешь, да? — усмехаюсь, но внутри тревога. — Друг называется. Я иду в душ. К себе, не к ней. Тебе советую то же. Освежимся, потом и решим. Но одно знаю точно: мы должны её остановить. Как… обсудим после.

Он смотрит на меня с минуту, потом кивает. Поднимается, идёт к лестнице, у первой ступени оборачивается:

— Не задерживайся.

Качаю головой и остаюсь один в этой тишине.

Поднимаюсь к себе, прохожу по коридору. Особняк – наш с Борисом. Общий, для встреч, для вечеринок, для того, чтобы просто сидеть и молчать за бутылкой пива. Но сегодня он стал другим. Теперь здесь Стася. И я не знаю, куда девать это чувство, когда прохожу мимо её двери, чтобы не постучать.

В душе вода обжигает, смывает пот, грязь этого офисного утра. Я прислоняюсь лбом к кафельной стене, закрываю глаза. Передо мной только она. Её глаза. Те самые, в которых утром была такая пустота, что я готов был провалиться сквозь землю. И я хочу увидеть их снова. Другими.

Выхожу. Футболка, домашние брюки, босиком по прохладному полу. Спускаюсь.

Борис уже на кухне в домашнем, волосы влажные. Он не

теряет времени никогда. Открывает холодильник, достаёт пиво. Две бутылки. Снимает крышки, протягивает мне.

— Держи.

Холодное, горькое. Это хорошо. Глоток за глотком возвращает меня в реальность.

— Есть хочу, — говорит Борис, ставя бутылку на стол. — С утра ничего не ел.

Я открываю холодильник, смотрю, что есть. Яйца, бекон, пармезан. Всё на месте.

— Карбонара, — говорю. — Быстро.

Борис уже берёт нож, помидоры, зелень.

— Тогда я – салат.

Мы готовим молча. Запах бекона заполняет кухню, и на мгновение мне кажется, что мы снова в универе, в съёмной квартире. Тогда мы тоже готовили, чтобы впечатлить девчонок. Тогда это была игра: показать, что мы не просто мажоры, а можем и сами. Теперь просто привычка. Руки помнят, голова молчит.

Она входит. Я слышу лёгкий шаг по кафелю, прежде чем обернуться. И вот она: в белом халате, с влажными волосами, рассыпавшимися по плечам. Глаза открыты, на лице то самое удивление, которое я поймал в первый раз. Она смотрит на меня, на сковороду, на мои руки.

— Рождественский… ты готовишь? — в голосе смесь недоверия и любопытства.

— Думала, я питаюсь воздухом? — усмехаюсь.

— Думала, у тебя есть личный повар.

Борис, не оборачиваясь от помидоров, поддаёт:

— Он в отпуске. А мы сами неплохо управляемся.

Она смеётся. Легко, искренне. Так, что у меня внутри что-то тает.

Кладу карбонару на тарелку, ставлю перед ней. Борис пододвигает салат. Стася смотрит на стол, на нас и плечи опускаются. Будто сбрасывает защиту.

Сажусь напротив, беру бутылку, делаю глоток.

— Мы вообще-то умеем не только деньги зарабатывать, Снегирёва. Привыкай.

Она улыбается и в этой улыбке уже нет стены. Есть только она.

— Рождественский готовит. Реально? — качает головой. — Вот Борис – да. Он такой… спокойный, домашний. Но ты…

В её глазах любопытство. Она складывает нового меня из кусочков, которые не вписываются в её картину.

Борис наливает ей пиво в стакан. Себе – из горла. Она берёт стакан, делает глоток, затем пробует пасту. Прикрывает глаза и я знаю, что ей нравится. И от этого на душе становится легче.

Борис переводит взгляд с неё на меня. Он видит всё.

— Ты спросила, правда ли, что Гера готовит, — говорит он небрежно. — Уже увидела, попробовала. А помнишь старую игру «Правда или ложь»? Давай сыграем. Только доба-

вим сюда «Действие» и бутылочку.

Он берёт пустую бутылку из-под пива, ставит в центр стола. Крутит.

Я ловлю его мысль. Игра – не просто развлечение. Это способ. Способ выведать у неё то, что она не расскажет, если мы просто сядем и начнём допрашивать. В игровой форме она скажет больше.

Стася смотрит на бутылку, потом на меня, потом на Бориса. В глазах – интерес.

— А что за игра? Напомните правила.

— Всё просто, — говорит Борис. — Крутим бутылку. На кого укажет, тот выбирает: «Правда» — отвечаешь честно на любой вопрос. «Ложь» — врёшь, а мы угадываем. «Действие» — выполняешь загаданное. Идёт?

Она задумывается на секунду. Потом кивает.

— Хорошо. — голос становится серьёзным. — Но я начинаю.

Переводит взгляд на меня.

— Ты правда не замечал меня в универе? Или просто делал вид?

Вопрос как удар под дых. Смотрю на неё. Она ждёт. Ждёт правды. И Борис молчит, глядя на нас обоих.

Я молчу.

Глава 7

А чего я, собственно, жду? Знаю ведь, что не замечал. Я не их круга была и есть. Потому что если бы было иначе, Герман не стал бы думать, кому предложить вакантное место. Я была отличницей, у которой можно списать, которая добавляла баллы своей группе в универе. Здесь поднимаю авторитет компании, но не более. Кресло руководителя отдела? Ха, Снегирёва, приземляйся уже. Оно не для тебя.

Пью пиво и уже не смотрю на него. Зачем? Ничего нового не увижу и не услышу.

— Замечал, — отвечает Герман.

Я едва не поперхнулась. Пиво пошло не в то горло, закашлялась, поставила бутылку на стол, чтобы не расплескать. Смотрю на него.

— Каждый раз, когда проходил мимо доски почёта факультета, — продолжает он спокойно. — И думал о тебе. Выползаешь ли ты когда-нибудь из библиотеки.

— Серьёзно?

В голосе недоверие. Или надежда. Я сама не разбираю.

— Если мне будет позволено ответить, — вставляет Борис, — хоть вопрос был предназначен не мне… так вот, я даже планировал вытащить тебя из той самой библиотеки.

— Так почему не сделал? Что держало?

Они переглянулись. Коротко, без слов. И я вижу, как за

столько лет можно научиться понимать друг друга без единого звука.

— Тупость, — чуть ли не в один голос отвечают они. — И слепота. Мы были слепы, Стася. Реально слепы. А прозрели только сейчас.

— Твоё заявление об уходе, — добавляет Герман, — как пощёчина.

Усмехаюсь, но внутри что-то ёкает.

— Да ладно.

— Нет, серьёзно, — Герман отставляет свою бутылку, придвигается ближе. Я чувствую, как от него пахнет пивом и чем-то мужским, тёплым, и от этого внутри всё сжимается.

Он смотрит в глаза, не отрываясь.

— Я прозрел. И как в калейдоскопе пронеслись все картинки из прошлого, из настоящего. И я понял, что, отпустив тебя, совершу самый тупой поступок в своей жизни. Не как сотрудницу, Стася…

Он замолкает. Смотрит. И в тишине повисает что-то такое, от чего в груди становится тесно.

Потом он задаёт вопрос. Без бутылочки. Без игры. Просто в упор.

— Ты когда-нибудь представляла нас в постели?

Воздух кончается. Лёгкие отказываются работать. Я вспоминаю не только этот год. Не только то, как принимала душ сегодня, представляя их руки на своём теле. Всё это и ещё то, что было до, и то, что я запрещала себе думать, всё это

наваливается разом, и я не могу выдохнуть.

Голос Бориса, он тоже склоняется ближе, я чувствую его дыхание на своей шее, его шёпот, как у заговорщика:

— Можешь выбрать «Ложь» по правилам игры… но, Стася, твои глаза. Они не врут.

Пытаюсь отвести взгляд. Не получается. Краска заливает щёки, они горят так, что даже в зеркало смотреть не надо: и так понятно, что я красная, как помидор.

Герман протягивает руку. Мягко касается моей щеки. Кончиками пальцев ведёт по скуле, по краю губ, и я чувствую, как его прикосновение жжёт, оставляет след.

— Ты такая горячая…

Язык прилипает к нёбу. Ничего не могу сказать.

— Ты боишься нас, Стася? — голос Бориса теперь у самого уха, шёпот, который обжигает кожу. Его руки опускаются на мои плечи, на шейный отдел, и начинают мягко массировать. Что он делает? Я сейчас просто растаю. Его пальцы находят нужные точки, и я чувствую, как напряжение уходит, как тело становится тягучим, податливым. Закрываю глаза, потому что иначе это становится слишком.

— Я не знаю, боюсь ли, — выдыхаю, и голос звучит хрипло, не моим голосом. — Но да, представляла. И не раз.

Пауза. Внутри пустота и одновременно жар, который разливается по животу.

Смотрю на них. Герману в глаза. Борису – тоже.

— Встречный вопрос, вам обоим: вы когда-нибудь делали

это с одной женщиной вдвоём? Или я первая?

Герман вскидывает глаза на Бориса. Быстрый взгляд, молниеносный обмен тем, что не нужно объяснять. Секунда и ответ, одновременный:

— Нет. Никогда. И это правда.

Борис наклоняется к моему уху. Я чувствую, как его губы почти касаются кожи.

— Теперь выбери действие. Для Германа.

Не раздумывая. Не позволяя себе остановиться.

— Поцелуй меня.

Герман поднимается. Подходит вплотную, встаёт между моих ног, и я чувствую, как халат бессовестно расползается в стороны. Он обеими руками обхватывает моё лицо, смотрит сверху вниз. Я поднимаю голову, чтобы видеть его глаза, и в них – всё. Желание, сомнение, и какая-то нежность, от которой внутри всё переворачивается

Не спешит. Только смотрит. А Борис чуть отступает. Я чувствую, как его руки исчезают с моих плеч, но взгляд остаётся, тяжёлый, внимательный. Он делает глоток пива из бутылки. Слышу звук, и понимаю, что он наблюдает. Он всегда наблюдает.

Герман склоняется.

Губы касаются моих мягко, почти невесомо, будто пробуя на вкус. Я чувствую, как его дыхание смешивается с моим, как он замирает на мгновение, а потом углубляет поцелуй, и я отвечаю, раскрываю губы, и внутри разливается жар, ко-

торый невозможно сдержать.

Его руки скользят по моей шее, пальцы запутываются в мокрых волосах, и он прижимает меня к себе сильнее. Халат распахивается окончательно. Воздух касается голой груди, и Герман прижимается ко мне. Чувствую его тело, его тепло, его желание сквозь ткань домашних брюк.

Поцелуй становится глубже. Язык проникает между моих губ, и я таю, буквально таю, и мои руки сами находят его плечи, сжимают, притягивают к себе, чтобы он был ещё ближе.

Его ладонь скользит по моему бедру, и я замираю на мгновение, но потом расслабляюсь. Потому что это правильно. Потому что я хочу этого.

Борис смотрит. Я не вижу его, но чувствую его взгляд на своей коже, и это добавляет остроты, этого напряжения, которое уже не снять.

Герман отрывается от моих губ на мгновение, чтобы перевести дыхание. И я вижу в его глазах тот же огонь, что и у меня.

— Стася… — шепчет он.

Я молчу. Смотрю на него. На Бориса, который всё ещё стоит позади.

И только сердце колотится, как сумасшедшее.

Глава 8

(Борис)

Стены этого дома помнят многое. Стоны, шёпот, женский смех, дыхание, срывающееся в тишине.

Мы с Германом приводили сюда девушек, но всегда по отдельности. Неписаное правило, которое не обсуждалось. Особняк для встреч, для вечеринок, для тишины за бутылкой пива. Но не для двоих на одну женщину. Так было всегда.

До неё.

Сейчас стены слушают по-другому. Её дыхание, её стоны, которые она пытается сдержать в поцелуе с Германом. И внутри ни капли ревности. Только правильность. Она не делится на двоих. Стася Снегирёва – целиком наша. И хочется быть частью этого. Не третьим лишним. Её частью.

Герман отстраняется, тяжело дышит. Лоб касается её лба на мгновение, и она приоткрывает глаза. Он смотрит на меня и в его взгляде всё. Он знает, что я жду. Всегда знает.

Подхожу. Забираю инициативу. Встаю рядом с ней, провожу пальцами по её плечу, по ключице. Стася поворачивает голову ко мне. Глаза затуманены, губы припухшие.

— К чёрту правила, — слышу собственный голос, глухой, будто не мой. — Кто там следующий, уже не важно.

В её глазах удивление, смешанное с любопытством. Она

не ждала, что я буду таким. Я сам не знал, что могу с ней таким быть.

— Я выбираю действие. Доставить тебе удовольствие, Стася.

Она не отвечает. Только сглатывает. Руки сами ложатся на мои плечи, когда я подсаживаю её на край стола.

Руки помнят её ступни. Помнят дрожь, когда касался её кожи, там, в машине. Сейчас я иду дальше. От щиколоток вверх по икрам, по бёдрам, медленно, не торопясь. Под пальцами напрягаются и расслабляются ее мышцы, и она вздрагивает, когда касаюсь коленей, разводя их. Дыхание девчонки сбивается.

— Доверься нам, Стася.

Герман не дремлет. С другой стороны стола его пальцы медленно и уверенно скользят по её груди. Слышу, как она стонет, когда он склоняется и берёт сосок в рот, всасывает, играет языком.

— Ты – наш десерт, Стася…, — шепчет он. — Сладкая. Какая же ты сладкая.

Её пальцы запутываются в его волосах, тело выгибается навстречу его рту.

М-м-м…

Тихий, почти беззвучный звук срывается с ее губ.

Мои пальцы скользят по внутренней стороне её бёдер. Кожа под ними горячая, влажная. Хочется знать её всю. Каждый сантиметр, каждый изгиб. Не торопясь, касаюсь её жи-

вота, задерживаюсь у ложбинки. Она замирает на мгновение.

— Красивая. Вся такая горячая… Вся такая… моя. Наша.

Она не отвечает, только дыхание становится частым, сбитым, и она ждёт, прикусывая губу.

Наклоняюсь. Губы касаются её бедра нежно, почти невесомо. Вдыхаю ее аромат. Твою мать, как же она вкусно пахнет.

Провожу языком по внутренней стороне бедра от колена до самого лона. Раздвигаю бархатные складочки, проникая глубже языком, вылизывая, смакуя сочный персик.

Вздрагивает, и тело расслабляется. Доверяет.

Ловлю её вкус, её запах, то, как она реагирует на каждое движение. Мягко всасываю ее бусинку, проникая двумя пальцами вглубь, чувствуя как сжимает, как поддается навстречу. Моя девочка.

Герман поцелуем ловит ее стоны. Ласкает грудь.

Её пальцы впиваются в мои плечи, тело напрягается, начинает дрожать. Тело ее пульсирует, и она приближается к грани.

Герман отрывается от её губ, шепчет что-то, слов не слышно. Но тело Стаси выгибается, замирает на мгновение. И беззвучный крик срывается с губ. Она содрогается, течёт, и я чувствую её вкус, её дрожь, её полную отдачу.

Когда она затихает, поднимаю голову. Стася лежит на столе, глаза закрыты. И сквозь губы, расплывшиеся в улыбке, вылетает стон, от которого внутри всё переворачивается.

Член пульсирует в штанах, становится тяжёлым, тесным. Больше нельзя ждать.

Герман смотрит на меня: его взгляд тот же, что у меня. Он хочет её. Мы оба хотим.

И пальцы уже тянутся к ремню, потому что больше нет сил терпеть…

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.